

Информационная безопасность детей и подростков в представлениях родителей

Будыкин С.В.,

аспирант кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, moscow858@yandex.ru

Дворянчиков Н.В.,

кандидат психологических наук, доцент, декан, кафедра клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, dvorian@gmail.com

Бовина И.Б.,

доктор психологических наук, профессор, кафедра клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, innabovina@yandex.ru

Исследование направлено на анализ обыденных представлений об информационной безопасности в группах родителей. Основываясь на идеях теории социальных представлений, в частности, о связи социальной практики и социальных представлений, были выделены три группы респондентов – родители детей (группа 1), родители подростков (группа 2), контрольная группа бездетных взрослых (группа 3) – как группы, имеющие различную дистанцию по отношению к объекту представления. В исследовании приняли участие 115 человек в возрасте от 20 до 50 лет (97 женщин и 18 мужчин). Мы выдвинули следующие предположения: 1) группа 3 будет отличаться от группы 1 и группы 2 в оценке угрозы информационной безопасности (разные темы будут рассматриваться как угрожающие, родители детей и подростков будут исходить из того, что угрожает в первую очередь детям их возраста, а в контрольной группе исходным будет общее понимание об угрозе); 2) в группе 3 основными будут нормативные элементы, в группах 1 и 2 – функциональные элементы (скрипты). Также предполагалось, что в группе 2 имеет место большая сложность скриптов по сравнению с другими группами. Было показано следующее: во-первых, иерархия тем, выстроенных с учетом угрозы информационной безопасности, практически совпадает во всех группах; во-вторых, планы действий сложнее всего устроены в группе 1, в наименьшей степени – в группе 3. Это справедливо для ситуаций, в которых ребенок сталкивается с умеренно опасной информацией, различий нет в ситуации столкновения с наиболее опасной информацией.

Ключевые слова: информационная безопасность детей и подростков, теория социальных представлений, родители, действия по обеспечению информационной безопасности детей и подростков.

Для цитаты:

Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков в представлениях родителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Том 8. № 4. С. 117–126 doi: 10.17759/psyedu.2016080412

For citation:

Budikin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Information safety of children and teenagers in representations of parents [Elektronnyi resurs]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2016, vol. 8, no. 4, pp. 117–126 doi: 10.17759/psyedu.2016080412. (In Russ., abstr. in Engl.)

В фокусе нашего внимания – изучение «наивных теорий», которые используются для объяснения новых, непонятных явлений, с которыми люди сталкиваются в повседневной деятельности. Объект этих теорий в нашем случае – информационная безопасность детей и подростков. Будучи ограниченными рамками статьи, укажем, что рассмотрение актуальности проблемы, а также аргументация в пользу теории социальных представлений уже были изложены нами ранее [1; 2]. Здесь отметим только, что, говоря о социальных представлениях, мы исходили из того, что это – «система ценностей, идей и практик с двойной функцией: во-первых, устанавливать порядок, который позволил бы индивидам ориентироваться в социальном и материальном мире и подчинять его; во-вторых, делать возможными коммуникации среди членов группы, обеспечивая их кодом для социального обмена и кодом для того, чтобы называть и классифицировать определенным образом различные аспекты их мира, их индивидуальной и групповой истории» [7, р.хiii].

Наш интерес направлен на анализ вопроса о соотношении социальной практики и социальных представлений [3]. Анализ литературы свидетельствует о том, что отношения между социальной практикой и социальными представлениями достаточно сложны и находятся под влиянием ряда факторов. Попытки приравнять социальную практику к поведению подвергаются критическому рассмотрению, авторы указывают на необходимость более широкого взгляда на социальную практику и ее связь с социальными представлениями [5; 8]. Как отмечают Л. Дани и Т. Апостолидис [5], это ограничение снимается за счет учета того, какую позицию индивид занимает в социальном пространстве [6], или за счет анализа таких социально-психологических факторов, как роль личной вовлеченности в деятельность или уровень знаний об объекте представлений [5].

Объект представления – «информационная безопасность детей» – обладает определенной двойственностью. С одной стороны, это – новая категория, которая стала использоваться с той или иной частотой на различных уровнях общественного дискурса вслед за вступлением в действие Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». С другой, – и до принятия закона, родители имели свою систему для оценки опасности информации. Принятие закона и реализация соответствующих мер, говоря словами теории социальных представлений, интерферировали с пониманием того, что угрожает детям и подросткам и какие действия требуются от родителей по обеспечению информационной безопасности.

Наши попытки проанализировать обыденное понимание информационной безопасности детей и подростков позволили выявить основные категории, вокруг которых выстраивается дискурс о ней: угроза информационной безопасности детей и подростков и противостояние этой угрозе [1].

Вопрос, на который предстоит ответить, касается особенностей обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков, обусловленных социальной практикой. Рассмотрев различные подходы к анализу отношений между социальными представлениями и социальной практикой [5; 6; 8], мы выстроили континуум дистанции по отношению к объекту обыденных представлений, что позволит исследовать особенности представлений об информационной безопасности как результат специфического взаимодействия с объектом представления.

Ранее нами были выделены два уровня взаимодействия с проблемой – семейный и профессиональный [1; 2]. Учет возраста детей и подростков позволил выделить группы: родители детей; родители подростков; учителя – родители детей, работающие с детьми; учителя – родители детей, работающие с подростками; учителя – родители подростков, работающие с детьми; учителя – бездетные, работающие с детьми; учителя – бездетные, работающие с подростками; бездетные взрослые. Эти группы имеют различную дистанцию по отношению к объекту представлений.

В немногочисленных исследованиях [5] было продемонстрировано, что различная дистанция по отношению к объекту представлений актуализирует разные элементы представлений: большая дистанция – нормативные элементы (связанные с ценностями, нормами или стереотипами), маленькая дистанция – функциональные элементы (связанные с действиями, т. е. скрипты). Опираясь на эти результаты, мы предприняли первую часть исследования, охватив группы родителей и контрольную группу бездетных взрослых.

Цель исследования заключалась в изучении обыденных представлений об информационной безопасности детей в группах родителей.

Объектом исследования были взрослые люди. Всего в исследовании приняли участие 115 человек¹ в возрасте от 20 до 50 лет (M= 33,33 года; SD=7,6 лет; 97 женщин, 18 мужчин). Из них: 87 человек – с высшим образованием; у 14 – незаконченное высшее; у 14 – среднее или среднее-специальное; 80 человек состоят в браке, 29 человек не состоят в браке, 6 человек – в разводе; 34 человека имеют одного ребенка, 37 человек – по два ребенка, 6 человек – по три ребенка, 3 человека – по четыре ребенка. Возраст детей составляет от 4 месяцев до 27 лет. Респонденты принадлежат к различным профессиональным группам (инженеры, врачи, психологи, управленцы, юристы, экономисты и пр.).

Группа 1 объединяла родителей детей (N= 45 человек; родители имели одного или нескольких детей до 12 лет; обладали опытом взаимодействия с объектом представлений; обеспечение информационной безопасности – только на уровне детей). Группа 2 состояла из родителей подростков (N=35 человек; родители имели хотя бы одного ребенка в возрасте от 12 до 18 лет, некоторые из них – и детей совершеннолетнего возраста; обладали опытом взаимодействия с объектом представлений на уровне детей и подростков). Эти группы были приближены к объекту представления. Группа 3 включала в себя бездетных взрослых (N=35 человек; отсутствие опыта взаимодействия с объектом представлений).

Предмет исследования – представления об информационной безопасности детей и подростков.

Опираясь на идеи теории социальных представлений и на результаты наших предыдущих исследований (обыденные представления выстраиваются вокруг двух основных тем – угроза и противостояние угрозе информационной безопасности [1]), мы сформулировали **предположение**²: обыденные представления об информационной безопасности детей и подростков будут разными в группах с различной дистанцией по отношению к объекту представления, а именно:

1) группа 3 будет отличаться от группы 1 и группы 2 в оценке угрозы информационной безопасности (разные темы будут рассматриваться как угрожающие; родители детей и подростков будут исходить из того, что угрожает в первую очередь детям их возраста, а в контрольной группе исходным будет общее понимание об угрозе);

2) в группе 3 основными будут нормативные элементы, в группах 1 и 2 – функциональные элементы (скрипты).

Также предполагалось, что в группе 2 имеет место большая сложность скриптов по сравнению с другими группами.

¹ Изначально было получено 160 заполненных опросников. Из анализа были исключены те опросники, которые были заполнены родителями, которые являются учителями школ (эта часть выборки будет изучаться на следующем этапе нашего исследования). Были исключены также опросники родителей, которые кроме детей до 12 лет имеют и совершеннолетних детей.

² Обратим внимание на тот факт, что в нашем объекте представлений уже заложены некоторые действия: в предварительном исследовании были выявлены две темы – угроза и противостояние ей; в связи с этим мы подразумеваем под нормативными элементами стереотипные действия.

Основным *методом исследования* был опрос в варианте анкетирования. Анкета основывалась на результатах предварительного исследования [1; 2] и включала в себя пять частей. В первой части респондентам предлагалось проранжировать различную информацию (насилие и жестокость, наркотики, убийство, самоубийство, педофилия, курение, алкоголь, порнография, сексуальные отношения в гетеросексуальных парах, сексуальные отношения в гомосексуальных парах, секты, террористические акты [1]) с точки зрения угрозы информационной безопасности детей и подростков. Во второй, третьей и четвертой частях анкеты респондентам предлагались так называемые «виньетки»³, в каждом случае их просили предложить план действий в ситуации. В пятой части предлагались социально-демографические вопросы.

Обработка качественных данных проводилась с помощью частотно-смыслового анализа.

Описание и анализ результатов

Оценка угрозы. Анализ того, как группы респондентов оценивают угрозу той или иной информации, позволяет говорить, что во всех группах наибольшая угроза приписывается информации, которая касается жизни и здоровья ребенка, а именно: насилие (и жестокость), самоубийство. Порядок важности тем варьировал: респонденты в группе 1 в наибольшей степени приписывали угрозу информации о педофилии, в группе 2 – о самоубийстве, в группе 3 – о насилии и жестокости. Респонденты в группе 3 оценивали угрозу той или иной информации, исходя из общего понимания угрозы, что соответствует наибольшей дистанции по отношению к объекту представления.

Таблица 1

Иерархия воспринимаемой угрозы информационной безопасности детей и подростков в трех группах респондентов

Тема	Средний ранг темы		
	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Алкоголь	9,28 (11)	8,64 (11)	9,06 (11)
Курение	9,90 (13)	10,26 (13)	9,99 (12)
Наркотики	4,80 (4)	5,57 (4)	6,31 (5)
Насилие и жестокость	4,60 (2)	5,04 (2)	4,01 (1)
Педофилия	4,55 (1)	6,10 (5)	5,22 (4)
Порнография	6,10 (6)	6,29 (6)	6,66 (7)
Проституция	7,35 (7)	7,60 (9)	7,34 (9)
Самоубийство	4,63 (3)	4,22 (1)	4,82 (3)
Сексуальные отношения в гетеросексуальных парах	9,53 (12)	9,94 (12)	10,61 (13)
Сексуальные отношения в гомосексуальных парах	7,80 (8)	8,42 (10)	8,40 (10)
Секты	8,66 (10)	6,51 (7)	7,33 (8)
Террористические акты	8,08 (9)	6,89 (8)	6,50 (6)

³ Виньетка – это краткое описание гипотетической ситуации; респондент принимает решение о том, как бы он поступил в подобном случае [4]. Предпочтение этого методического приема объясняется его проективным характером, возможностью анализировать готовность респондентов к тому или иному способу действий, ибо в ответ они предлагают более или менее детальный план действий, который можно рассматривать как готовность к поведению [9]. В нашем случае каждому респонденту предлагалось принять решение по каждой из трех ситуаций, которые касались детей (одна ситуация), подростков (две ситуации), другой параметр варьирования – тип угрожающей информации: наркотики, информация сексуального характера – порнография, самоубийство. Виньетки были сформулированы на основе результатов предшествующих этапов исследования.

Убийство	5,49 (5)	5,51 (3)	4,44 (2)
----------	----------	----------	----------

Разница в оценках между группами отсутствует, что не позволяет принять первое предположение о том, что группы с разной дистанцией по отношению к объекту представления по-разному оценивают угрозу информационной безопасности.

Готовность к обеспечению информационной безопасности детей. Как показывает анализ ответов респондентов из группы 1 в первой ситуации (10-летний ребенок, увидев на асфальте рекламу спайса, задает вопрос родителю), действия респондентов располагаются в промежутке от игнорирования вопроса ребенка до объяснения вреда наркотиков (указывая, в том числе, на летальность исхода при употреблении наркотических веществ, устрашение с помощью видеоматериалов, повествующих о потребителях, указание на опасность, квалификация людей, распространяющих спайсы, как «плохих»), сопровождаются запретом на употребление наркотических веществ, а также готовностью обратиться в полицию (или ФСКН) за помощью. В 18 случаях из 45 родители заявили о своей готовности объяснить ребенку об опасности вещества, при этом используя видеоматериалы (6)⁴, указывая на летальность исхода (3), на опасность (3); в 13 случаях родители не только объясняли вред последствия, указывая при этом на уголовную ответственность за распространение наркотических веществ, но и предпочитали обратиться в полицию (ФСКН) за помощью; в 7 случаях родители не только объясняли вред, готовы были обратиться в полицию (ФСКН), но и запрещали детям употреблять наркотические вещества. В отношении запрета на употребление – 11 родителей из 45 не только объясняют детям вред, но и указывают на соответствующее поведение; в 20 случаев из 45 – родители готовы прибегнуть к помощи полиции; в 1 случае родитель предпочел проигнорировать вопрос ребенка.

В группе 2 действия родителей попадали в диапазон от более простых стратегий – объяснение последствия или даже запрет на чтение такой рекламы без объяснения – до сложной стратегии, которая включала в себя объяснение последствий, а также запрет на употребление наркотических средств и обращение в полицию. В 19 случаев из 35 респонденты предпочитали объяснять последствия употребления наркотических веществ, апеллируя к понятию «опасность» (8), используя видеоматериалы или указывая на летальность исхода (по 4, соответственно). В 5 случаях респонденты не только объясняли последствия, но и выражали готовность обратиться в полицию, объяснение сопровождалось запретом на употребление (6), наконец, респонденты предлагали не только объяснить опасность, наложить запрет на употребление наркотических веществ, но и обратиться в полицию (4).

Анализ стратегий поведения в группе 3 показал, что респонденты демонстрируют свою готовность воспользоваться различными стратегиями обеспечения информационной безопасности ребенка, причем палитра стратегий, как и в других группах, – от игнорирования вопроса ребенка до объяснения вреда наркотиков (указывая, в том числе, на летальность исхода при употреблении наркотических веществ, устрашение с помощью видеоматериалов, повествующих о потребителях), сопровождающегося запретом на чтение рекламы такого рода, а также обращением в полицию за помощью и оповещением других родителей об опасности. Крайние варианты действий встречаются в единичных случаях (2 респондента предпочитают проигнорировать вопрос ребенка, 1 респондент не только объясняет опасность последствий, но и планирует обратиться в полицию и проинформировать других родителей). 20 респондентов из 35 ограничиваются объяснением вреда последствий употребления, для объяснения используются видеоматериалы (5), делается указание на летальность последствий (3). Объяснения вреда последствий употребления наркотиков сочетаются с обращением в полицию (6), объяснение сочетается с запретом на чтение рекламы или употребление прорекламированных средств (6).

⁴ Здесь и далее в скобках указывается частота ответов.

Сравнение планов действий, предлагаемых респондентами, позволяет говорить о том, что в группе 1 имеет место наиболее детальное изложение плана действий, респонденты демонстрировали адаптацию объяснения к возрасту персонажа (использование категории «плохое»: плохие люди, которые обижают хороших, плохое лекарство, яд и пр., придумывание историй про персонажей, которые употребляли наркотические вещества, их страдания и их сожаление о содеянном⁵), чаще, чем респонденты из других групп, респонденты из группы 1 высказывали готовность обратиться в полицию – 20 из 45, 10 из 35, 8 из 35, немного чаще предлагали использовать ряд действий, чем респонденты в других группах: 7 из 45, 4 из 35, 1 из 35.

Полученные результаты скорее говорят в пользу того, что группа 1 наиболее приближена к объекту представлений, что соответствует большей детализации и сложности плана действий (скрипта) по обеспечению информационной безопасности детей по сравнению с другими группами. Однако это не противоречит нашему предположению о том, что дистанция к объекту представления определяет особенности представления с точки зрения наличия нормативных или функциональных элементов; респонденты в контрольной группе предлагали более простые решения, чем в группе 1 и 2, не учитывая специфики возраста персонажа.

Готовность к обеспечению информационной безопасности подростков. Анализ ответов в группе 1 во второй ситуации (родители застают 14-летнего сына за просмотром материалов порнографического характера) показывает, что предлагаемые планы действий располагаются в промежутке от игнорирования ситуации до просветительской беседы на тему отношения полов (о развитии сексуальности). В 18 случаях из 45 респонденты говорили о том, что предпочтут запрет на просмотр подобных видеоматериалов, в 6 случаях запреты сочетались с просветительскими беседами, в 10 случаях из 45 респонденты предпочитали игнорировать ситуацию, в половине этих случаев респондентки оправдывали выбор тем, что отец должен разговаривать с ребенком. Среди вопросов, которые родители предлагали выяснить в первую очередь, – зачем сын смотрит эти материалы (13) и откуда у него эти материалы (7). Элемент, который обращает на себя внимание в ответах респондентов, – «выключить» (видеоматериал) (10), его присутствие конкретизирует и детализирует план действий. В половине случаев этот элемент ситуации сочетался с запретом на просмотр видеоматериалов такого рода в будущем, в другой половине – с выяснением мотивации просмотра.

В группе 2 чаще всего встречался элемент «выключить» (видеоматериал) (16 из 35), это действие было включено в различные скрипты: выключить видеоматериал и завести разговор об отношениях полов (5 ответов); выключить видеоматериал и выяснить мотивацию просмотра (6); выключить видеоматериал и запретить последующий просмотр материалов такого рода (5). В целом, 11 респондентов из 35 готовы к разговору об отношении полов. Только в 5 ситуациях респонденты предпочли проигнорировать ситуации, в двух из них – ссылаясь на то, что это задача отца – разговаривать с сыном.

В группе 3 в двух случаях из 35 респонденты предпочли отказаться от ответов, в 10 случаях проигнорировали ситуацию, в четырех ситуациях – оправдывая свое бездействие тем, что обсуждение входит в обязанности отца, в 10 случаях респонденты предпочли запретить просмотр таких материалов – открыто (запрет на просмотр или запрет на использование Интернета) или скрыто (установка родительского контроля на ПК, блокировка сайтов). По сути, респонденты едва ли готовы к обсуждению ситуации. Вопрос, который чаще всего респонденты адресовали ребенку на месте родителей персонажа: «Зачем?» (7 из 35). В единичных случаях респонденты оценивают ситуацию как момент для просвещения ребенка и организации его досуга (2). Элемент «выключить» (видеоматериалы) встречался в 6 случаях из 35.

⁵ Описание реплик конкретизирует план действий в этой группе.

Сравнение результатов трех групп свидетельствует о том, что функциональные элементы, выраженные в виде плана действий (скрипта), в наибольшей степени присутствуют в группе 1, что соответствует общему предположению о специфике представления в зависимости от дистанции по отношению к объекту представления, но противоречит предположению о том, как соотносятся между собой группа 1 и группа 2 с точки зрения дистанции и особенностей представлений.

Анализ ответов респондентов группы 1 в третьей ситуации (родитель случайно обнаруживает на столе дочери брошюру, призывающую совершить самоубийство) скорее говорит в пользу того, что основная линия действий в этой группе сводится к беседе с дочерью в той иной форме (37 из 45); для части респондентов (17) первоочередные вопросы касаются брошюры – откуда (21) она, и зачем (19) дочь ее читает. В 5 случаях респонденты планировали «поговорить по душам» для того, чтобы получить ответы на эти вопросы. В 5 случаях обсуждение нацелено на то, чтобы прояснить позицию дочери о книге и о самоубийстве. В 9 случаях беседа рассматривается как способ диагностики проблем, состояния дочери, выявления проблем. Действия, которые респонденты этой группы готовы предпринимать – обращение к психологу (9), убеждать дочь в ценности жизни (7), говорить о любви к дочери (5). В единичных случаях респонденты высказывали готовность обратиться к учителю (4), наблюдать за дочерью (4), уделять дочери больше внимания (6). 4 респондентов вовсе отказались от ответов. В целом, значительная часть респондентов заявила о готовности задать дочери прямолинейные вопросы, а не использовать более субтильные способы получения информации.

В группе 2, по аналогии с результатами группы 1, основная линия действий сводится к беседе с дочерью в той иной форме (31 из 35). Для части респондентов (16) первоочередные вопросы касаются брошюры – откуда она (17), зачем дочь ее читает (22). Действия, которые респонденты готовы предпринимать – обращение к психологу (8), убеждать дочь не совершать необратимый поступок, например, говорить о ценности жизни (8), говорить о своей любви к ней (4), о том, что проблемы – решаемы (3). В единичных случаях респонденты высказывали готовность обратиться к учителю (3), наблюдать за дочерью (3), уделять ей больше внимания, организовывать совместный досуг (7) или просто изъять брошюру (6). Один респондент отказался отвечать на вопросы.

Анализ ответов в группе 3 показал, что и здесь основная линия действий – разговор с дочерью, в первую очередь, чтобы найти ответ на все те же вопросы – откуда (21) и зачем (10), оба вопроса встречаются реже (6).

По сравнению с респондентами других групп респонденты в группе 3 едва ли готовы к доверительной беседе, направленной на понимание состояния дочери. Действия, которые респонденты этой группы готовы предпринимать, таковы: обращение к психологу (11); убеждать, что проблемы решаемы (6); уделять внимание дочери (5); в единичных случаях – говорить о ценности жизни (2), говорить о том, что дочь нужна родителям (3), изъять брошюру (4). Один респондент не дал ответа на вопросы.

Насколько позволяет судить сравнение планов предлагаемых действий в этой ситуации респонденты трех групп едва ли различаются между собой. Возможное объяснение этому заключается в том, что ни в одной группе респонденты не имеют определенной стратегии действий, что, вполне возможно, обусловлено крайней серьезностью ситуации (угроза жизни ребенка). Полученный факт требует дальнейшего анализа и дополнительного изучения, в котором можно было бы сравнить большее число разных гипотетических ситуаций.

Обобщая полученные результаты, можно говорить о том, что, скрипты, выявленные в обыденных представлениях об информационной безопасности детей, по сути, являются показателем готовности к выполнению действий по защите детей и подростков от угрожающей информации. Это утверждение опирается как на определение социальных представлений, данное С. Московиси [7] и процитированное нами выше, так и на понимание о функции социальных

представлений, связывающих собственно социальные представления и социальную практику [3; 5; 6; 8]. Более того, чем детальнее и подробнее план действий (скрипт), тем выше готовность к совершению соответствующего действия [9], и такая готовность в двух первых гипотетических ситуациях была выявлена в группе 1 (в первую очередь) и в группе 2.

Изначально мы полагали, что в группе 2 будут обнаружены более сложные планы действий, чем в группе 1, так как опыт этих респондентов уже включает в себя опыт обеспечения информационной безопасности детей, однако результаты скорее говорят в пользу того, что респонденты в группе 1 имеют актуальную ситуацию обеспечения информационной безопасности детей и предвосхищают действия в случае обеспечения информационной безопасности подростков, с чем и связана большая сложность и детальность их планов действий.

Выводы

Цель исследования заключалась в изучении обыденных представлений об информационной безопасности детей и подростков в группах родителей. Сравнению подлежали представления в трех группах, выделенных по принципу дистанции по отношению к объекту представления – информационной безопасности детей и подростков. Иерархия тем, выстроенных с учетом угрозы информационной безопасности, практически совпадает во всех группах.

Сравнение представлений о том, что противопоставить угрозе информационной безопасности, как защитить детей и подростков, показало, что наиболее сложные планы действий имелись в группе 1, затем – в группе 2, в наименьшей степени – в группе 3. Это справедливо для ситуаций, где ребенок сталкивается с информацией, которая оценивается как умеренно опасная. Когда же речь идет о ситуации, где ребенок сталкивается с информацией, которой приписывается максимальная опасность, различий в представлениях в трех группах нет. Полученные результаты не дают оснований поддержать первое и третье предположения, но дают основания для поддержки второго предположения.

Продолжая начатую линию анализа, мы планируем исследование в группах учителей. Это позволит нам завершить изучение того, как дистанция по отношению к объекту представлений (в нашем случае – информационная безопасность) на семейном и профессиональном уровнях определяет особенности обыденных представлений о ней.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-06-10649.

Благодарности

Авторы благодарят за помощь в сборе данных для исследования научного проекта И.В. Сивцову (директора «Курчатовской школы») и А.Х. Соловатову (директора компании «Д-Факто»).

Литература

1. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В. Информационная безопасность детей в обыденном понимании родителей и учителей // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2016. №1. С. 77–86.
2. Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков в понимании родителей и учителей (Часть 2. Результаты эмпирического исследования) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Т. 6. № 1. С. 25–38. doi:10.17759/psylaw.2016060104.
3. Abric J.C. Pratiques sociales et representations. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 256 p.

4. Alexander C.S., Becker H.J. The use of vignettes in survey research// *Public Opinion Quarterly*. 1978. P. 93–104.
5. Dany L., Apostolidis T., Harabi S. Distance to the object and social representations: replication and further evidences // *Spanish Journal of Social Psychology*. 2014. Vol.17. P. 1–9.
6. Miguel I., Valentim J.P., Carugati F. Degree of proximity in the construction of social representations: the case of intelligence// *The Spanish Journal of Psychology*. 2012. №15. P. 1244–1258.
7. Moscovici S. Foreword to C.Herzlich, *Health and illness*. L.: Academic Press, 1973. P. ix-xiv.
8. Salesses L. Rôle du niveau de connaissance dans le processus de structuration d'une representation sociale // *Les cahiers internationaux de psychologie sociale*. 2005. № 66. P. 25–42.
9. Salovey P., Rothman A., Rodin J. Health behaviour // *The Handbook of Social Psychology*. Vol. 2/ Eds. by D. Gilbert, S. Fiske, G. Lindzey, Boston: McGraw-Hill, 1998. P. 633–683.

Information Safety of Children and Adolescents in the Views of Parents

Budykin S.V.,

PhD Student, Department of Clinical and Legal Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, moscow858@yandex.ru

Dvoryanchikov N.V.,

PhD, Head of the Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, dvorian@gmail.com

Bovina I.B.,

PhD, Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, innabovina@yandex.ru

The study aims to analyze the everyday concepts of information security in groups of parents. Based on the ideas of the theory of social representations, in particular, about the connection between social practices and social representations, were identified three groups of respondents - parents of children (group 1), the parents of adolescents (group 2), a group of childless adults (group 3) - groups having a different distance with respect to the object of the representation. The study involved 115 participants aged 20 to 50 years (97 women and 18 men). We made the following assumptions: 1) Group 3 will differ from group 1 and group 2 in the evaluation of information security threats (various topics will be considered as threatening, the parents of children and adolescents will proceed from the fact that the threat is primarily for children of their age, and the control group, the source will be a common understanding of the threat); 2) in a group 3 there will be major regulatory elements, in groups 1 and 2 - the functional elements (scripts). It is also assumed that in group 2, there is a great complexity of the script as compared to the other groups. It was shown the following: firstly, the hierarchy of themes arrayed in view of information security threats practically coincides in all groups; secondly, action plans hardest arranged in one group, to a lesser extent - in group 3. This applies to situations in which

the child faces a moderately dangerous information, there is no difference in the situation of a collision with the most dangerous information.

Key words: information security of children and adolescents, the theory of social representations, parents, actions to ensure the information security of children and adolescents.

Funding

This work was supported by grant RFH № 15-06-10649.

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. Information security of children in lay thinking of parents and teachers. *Vestnik RUDN. Seriya "Psikhologiya i pedagogika"*, 2016, no. 1, pp. 77–86 (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Budykin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Information security of children viewed by parents and teachers (Part 2: results of survey) [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo*, 2016, no. 1, pp.25–38. doi:10.17759/psylaw.2016060104. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Abric J.C. *Pratiques sociales et representations*. Paris: Presses Universitaires de France, 1994. 256 p.
4. Alexander C. S., Becker H. J. The use of vignettes in survey research. *Public Opinion Quarterly*, 1978, 42, pp. 93–104.
5. Dany L., Apostolidis T., Harabi S. Distance to the object and social representations: replication and further evidences. *Spanish journal of social psychology*, 2014, vol.17, pp.1–9.
6. Miguel I., Valentim J. P., Carugati F. Degree of proximity in the construction of social representations: the case of intelligence. *The Spanish Journal of Psychology*, 2012, no.15, pp.1244–1258.
7. Moscovici S. Foreword to C.Herzlich, *Health and illness*. London, Academic Press, 1973, pp. ix–xiv.
8. Salesses L. Rôle du niveau de connaissance dans le processus de structuration d'une representation sociale. *Les cahiers internationaux de psychologie sociale*, 2005, no. 66, pp. 25–42.
9. Salovey P., Rothman A., Rodin J. Health behavior. In Gilbert D. (eds.) *The handbook of social psychology*: vol. 2. Boston: McGraw–Hill, 1998, pp. 633–683.